

Михаил Юрьевич Лермонтов

Приложения к прозаическим произведениям

Содержание

ПАНОРАМА МОСКВЫ	0004
ПЛАНЫ. НАБРОСКИ. СЮЖЕТЫ	0013
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	0034
НАБРОСКИ СТИХОТВОРЕНИЙ	0041
ЗАМЕТКИ НА РУКОПИСЯХ	0042
НАДПИСИ НА КНИГАХ	0047
ПРИПИСЫВАЕМОЕ ЛЕРМОНТОВУ	0049

Михаил Юрьевич Лермонтов
ПРИЛОЖЕНИЯ К
ПРОЗАИЧЕСКИМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

ПАНОРАМА МОСКВЫ

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подобно чудной, фантастической увертюре Беттговена, в которой густой рев контр-баса, треск литавр, с пением скрипки и флейты, образу-

ют одно великое целое; — и мнится, что бес-
телесные звуки принимают видимую форму,
что духи неба и ада свиваются под облаками
в один разнообразный, неизмеримый, быстро
вертящийся хоровод!..

О, какое блаженство внимать этой незем-
ной музыке, взобравшись на самый верхний
ярус Ивана Великого, облокотясь на узкое
мшистое окно, к которому привела вас истер-
тая, скользкая, витая лестница, и думать, что
весь этот оркестр гремит под вашими ногами,
и воображать, что всё это для вас одних, что
вы царь этого неведомого мира, и по-
жирать очами этот огромный муравейник,
где суется люди, для вас чуждые, где кипят
страсти, вами на минуту забытые!.. Какое бла-
женство разом обнять душою всю суетную
жизнь, все мелкие заботы человечества, смот-
реть на мир — с высоты!

На север перед вами, в самом отдалении
на краю синего небосклона, немного правее
Петровского замка, чернеет романическая
Марьиная роща, и пред нею лежит слой пест-
рых кровель, пересеченных кое-где пыльной
зеленью бульваров, устроенных на древнем

городском валу; на крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада — Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, всё хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Ближе к центру города здания принимают вид более стройный, более европейский; проглядывают богатые колоннады, широкие дворы, обнесенные чугунными решетками, бесчисленные главы церквей, шпицы колоколен с ржавыми крестами и пестрыми раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоя-

щий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою взирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..

На восток картина еще богаче и разнообразнее: за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой как чешуею зелеными черепицами; — немного левее этой башни являются бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного, семидесяти приделам которой дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мне сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам ярусов множество второклассных глав, совершенно не похожих одна на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отрасли

старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Витые тяжелые колонны поддерживают железные кровли, повисшие над дверями и наружными галереями, из коих выглядывают маленькие темные окна, как зрачки стоглазого чудовища. Тысячи затейливых иероглифических изображений рисуются вокруг этих окон; изредка тусклая лампада светится сквозь стекла их, загороженные решетками, как блещет ночью мирный светляк сквозь плющ, обвивающий полуразвалившуюся башню. Каждый придел раскрашен снаружи особенною краской, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владелец Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

Весьма немногие жители Москвы решились обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Иоанна Грозного, — но таковым, каков он был в последние годы своей жизни!

И что же? — рядом с этим великолепным,

утрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булошники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... всё так шумно, живо, непокойно!..

Вправо от Василия Блаженного, под крутым скатом, течет мелкая, широкая, грязная Москва-река, изнемогая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами; их длинные мачты, увенчанные полосатыми флюгерями, встают из-за Москворецкого моста, их скрыпучие канаты, колеблемые ветром, как паутина, едва чернеют на голубом небосклоне. На левом берегу реки, глядясь в ее гладкие воды, белеет воспитательный дом, коего широкие голые стены, симметрически расположенные окна и трубы, и вообще европейская осанка резко отделяются от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков. Далее к востоку на трёх холмах, между коих извивается река, пестреют широкие массы домов всех возможных величин и цветов; утомленный взор с трудом может достигнуть

дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между которыми Симонов примечателен особенно своею, почти между небом и землей висящею платформой, откуда наши предки наблюдали за движениями приближающихся татар.

К югу, под горой, у самой подошвы стены кремлевской, против Тайницких ворот, протекает река, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеон кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидел его вечно пламя: этот грозный светоч, который озарил его торжество и его падение!

На западе, за длинной башней, где живут и могут жить одни ласточки (ибо она, будучи построена после французов, не имеет внутри ни потолков ни лестниц, и стены ее расперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки каменного моста, который дугою перегибается с одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, с шумом и пеною вырывается из-под него, образуя между сводами небольшие водопады, кото-

рые часто, особенно весной, привлекают любопытство московских зевак, а иногда принимают в свои недра тело бедного грешника. Далее моста, по правую сторону реки, отделяются на небосклоне зубчатые силуэты Алексеевского монастыря; по левую, на равнине между кровлями купеческих домов, блещут верхи Донского монастыря... А там — за ним одеты голубым туманом, восходящим от студёных волн реки, начинаются Воробьевы горы, увенчанные густыми рощами, которые с крутых вершин глядятся в реку, извивающуюся у их подошвы подобно змее, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одевает дальние части города и окрестные холмы, тогда только можно видеть нашу древнюю столицу во всем ее блеске, ибо подобно красавице, показывающей только вечером свои лучшие уборы, она только в этот торжественный час может произвести на душу сильное, неизгладимое впечатление.

Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой

горе, как державный венец на челе грозного владыки?..

Он алтарь России, на нем должны совершаться, и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?!

Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих?!..

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать всё, что они говорят сердцу и воображению!..

Юнкер Л. Г. Гусарского Полка Лермантов.

ПЛАНЫ. НАБРОСКИ. СЮЖЕТЫ

<1> **С**южет трагедии
Отец с дочерью, ожидают сына, военного, который приедет в отпуск. Отец разбойничает в своей деревне, и дочь самая злая убийца. Сын хочет сюрприз сделать отцу и прежде нежели писал, отправляется. Приехав, недалеко от деревни становится в трактире. Он находит здесь любезную свою с матерью. Они просят, чтоб он ночевал, ибо боятся разбойников. Он соглашается. Вдруг разбойники ночью приезжают. Он защищается и отрубает руку у одного. Его запирают в его комнате. Когда все утихло, он вырывается. Уходит и приносит труп своей любезной, клянется отомстить ее. Для этого спешит к отцу, чтоб там найти помощь.

Ночь у отца. Дочь примеривает платья убитых несколько дней тому назад; люди прибирают мертвые тела. Прибегает вскоре сын, рассказывает о себе, его впускают, он рассказывает сестре свое несчастье — вдруг

отец — он без руки... сын к нему — и видит — в отчаянии убегает. Смятение в доме. Между тем полиция узнала не о сем, но о другом недавнем злодеянии и приходит; сын сам объявляет об отце: вбегает с *ними*. Полиция. Отца схватывают и уводят. — Сын застреливается. Тут вбегает служитель старого сына, добрый, хочет его увидеть и видит его мертвого.

<2> Сюжет трагедии

В Америке (дикие, угнетенные испанцами. Из романа французского Аттала).

<3>

Прежде от матерей и отцов продавали дочерей казакам на ярмарках как негров: это в трагедии поместить.

<4> Сюжет трагедии

Молодой человек в России, который не дворянского происхождения, отвергаем обществом, любовью, унижаем начальниками (он был из поповичей или из мещан, учился в университете и вояжировал на казенный

счет). — Он застреливается.

<5> **Эпитафия плодовитого писаки**

Здесь покоится человек, который никогда не видал перед собою белой бумаги.

<6>

В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше.

<7>

(Написать записки молодого монаха 17-и лет. — С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. — Страстная душа томится. — Идеалы...).

<8>

Написать шутивную поэму, приключения богатыря.

<9>

Метор:[1] перевести в прозе: The Dream

<10>

Метор: написать трагедию: *Марий, из Плу-тарха.*

1) *дейст<вие>*. Его жизнь в Риме во время его конс<ульства> и изгнание Силлою.

2) Когда Марий в изгнании бродит, и взят, и Цибрский невольник не смеет убить его.

3) Сын Мария при дворе сатрапа освобождает невольницу, и Марий в Карфагене.

4) Цинна в Риме, пришествие Мария, тиранства, убийства, и проч. (между прочим: Антония, оратора убили).

5) Марий предчувствует гибель. Он умирает. Слостолюбивый сын его тиранствует, но угрожаем Силлою, бежит из Рима и в Пренесте убивает себя.

Сыну Мария перед смертью в 5-м *дейст<вии>* является тень его отца, и повелевает умереть; ибо род их должен ими кончиться.

<11>

Метор: прибавить к «Странному человеку»

еще сцену, в которой читают историю его детства, которая нечаянно попалась Белинскому.

<12>

[

При дворе князя Владимира был один молодой витязь, варяг, прекрасный, умный, но честолюбивый и гордый; пылкость его была во всем; он много наслаждался, и всё начинало ему надоедать, говорили, что он не христианин и что волшебная сила над ним владеет. Однажды ночью он стоял на часах у дворца при свете лампы; вдруг является тень девицы и зовет его жалобно, умоляя спасти ее; он следует за нею; выходит из ворот; она исчезла, взяв от него клятву, что он спасет ее, и сказав, что она под властью чародея. На другой день витязь уезжает, ни с кем не простившись, ибо он был сирота; — едет витязь степью, лесом и горами; и видит крест на холме; и несколько пещер, и слышит звон; подъезжает и видит один *инок* звонит, читает молитву, а двое копают могилу; тут на траве лежит мертвая женщина, прекрасная, и бледная. — Он взглянул, и сердце его забилося; он не заплакал, но

чувство, полное муки и тайного удовольствия, пролилось по его сердцу; — он любит мертвую? — нет, это одно расстройство воображения. — Витязь удаляется; подъезжает к реке; и вечером засыпает при свете молодого месяца и при песни лебедя; — видит страшный сон. — Поутру его будит поцелуй; дева, которая манила его, стоит перед ним и ведет в свой хрустальный чертог; там всё полно неги, но витязь не любит ее; мысли его летят к умершей, сердце ноет, и он должен подавлять его. Дева рассказывает ему свою повесть, как царь Стамфул превратил ее в лебедя, и как она посредством старухи избегнула его любви; он уходит от нее, чтоб достать цветок жизни в замке Стамфула, который за рекой великой; он пускает коня и садится в лодку; пловец этот ему рассказывает свою повесть и за что он осужден всегда ездить и не может вылезть.

Переехав речку, витязь видит два ворона, которые всё вокруг него летают; «что? ужели вы мне предвещаете смерть?» — сказал он им; «нет, витязь, — говорит один ворон, — я хочу тебе помочь, я тебя проведу куда надо».

Витязь идет за вороном и спрашивает, отчего он говорит как человек; ворон рассказывает ему, что их два брата было и за что Стамфул превратил их в воронов, он рассказывает, как достать цветок жизни; они подходят к древнему замку; ворота отперты; всё пусто; ворон просил витязя ничего кроме цветка не трогать: — витязь взял в садах цветок и возвращаясь видит меч золотой на воротах, и едва прикоснулся, как раздался шум и звон; он выходит из замка быстро, стрела летит за ним и поражает ворона; витязь оборачивается; Стамфул на него несется; последний принимает разные виды, наконец сражен. Витязь бросает его тело в море, ибо замок на берегу моря; и видит мертвого ворона, а над ним другой умер. — Витязь замечает, что его преследует что-то свыше. Он помнит умершую деву и чувствует, что любит ее. — На дороге он видит издали пыль, и крик и звон мечей, подходит, и что же? — горсть воинов обороняются против толпы врагов; он бросается в бой и освобождает их; они ведут его к своему царю; царь угощает витязя; но сам печален; и рассказывает, что у него была одна

дочь; но что умерла на 17 году, и что когда ее похоронили, то рассказывают, что три чернеца с крестами унесли ее тело бог весть куда; царь показывает витязю портрет дочери своей, говоря, что ей было предсказано паломником за то, что она его напоила и накормила, что она выдет замуж за такого-то витязя. Наш витязь слышит свое имя, и трепещет; но когда увидал портрет, то упал без чувств, ибо узнал умершую деву, которую любил; — он тотчас удаляется из дворца, взяв лошадь только; не берет проводников, хотя гроза свирепствует на дворе — род бешенства или сумасшествия обладает им. — Наконец он приезжает к берегам речки, где лебедь, и бросает ему цветок жизни; лебедь тотчас делается девицей, она выходит из воды; он отвергает ее ласки, говоря, что не любит ее; она просит один поцелуй прощанья, и только что поцеловала, как исчезает с хохотом и визгом; — прекрасное местоположение переменилось в дикое, розовые кусты, река исчезли. — Овраг или пропасть, скалы одни остались, и вихорь едва не увлек туда героя; луна встала; витязь сидит на берегу пропасти. Вдруг на облаке яв-

ляется ему старец; и говорит, что он его отец; что он был язычник и оттого долго мучился, но теперь бог ему простил, и что злой дух преследует витязя, ибо он язычник. Витязь обещает креститься; а отец его дает ему крест и говорит, что он чудотворный; — он едет к известной могиле; роет; — и вдруг видит не гроб, но широкое подземелье; и дева при блеске свечей спит на подушке; она спит, ибо дышит; он выносит ее оттуда в исступлении любви; кладет на лошадь и скачет в Киев; приезжает туда вечером и приносит ее в церковь, где народ слушал вечерню; прикладывает крест к ее груди, и она оживает; и падает в ее объятия; — их венчают; но он позабыл креститься; когда кончился обряд, и он выходил из церкви, чей-то голос ему напомнил вдруг об этом, говоря: «ты не будешь счастлив!» — на другой день свадьбы она умерла; — он скрылся.]

<13> Написать поэму «Ангел смерти»

Ангел смерти при смерти девы влетает в ее тело из сожаления к любезному и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кро-

вожадный, начальник греков. — Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде. Ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуи мучительны умирающим.

<14>

Метор: написать длинную сатирическую поэму: приключения демона.

<15>

(Ecrire une tragédie: Néron).[3]

<16>

Имя героя Мстислав. — Черный прозвание от его задумчивости, — его сестра — Ольга.

Мстислав три ночи молится на кургане, чтоб не погибло любезное имя Россия.

Поместить песню: печальную, о любви или *Что за пыль пылит*; Ольга молодая, невинная, ангел — поет ее; входит брат — после паломник

Все сначала укоряют Мстислава в равнодушии к бедствиям родины, ибо он молчит.

Юный князь Василий утонул в крови во время битвы.

<17> Сюжет

1

1) Молодежь, разговаривают о том, что татары приедут толпой, и всё берут: никто не смеет и слова сказать: зарево видно; иные говорят, что лучше предаваться татарам, чем умирать и тому подобное; Мстислав вскакивает — и уходит; он всё сначала молчал. Он кажется равнодушен к бедствиям отечества, и его порицают за это.

2) Паломник у Ольги; он рассказывает про Ерусалим, путешествия и разрушенный Киев; Мстислав ходит; и, слыша рассказы о прежней вольности, ему приходит в голову мысль освободить родину от татар; Ольге один богатый татарин дал подарки; ее мать позволила; он ей нравится.

2

3) В городе; послы татарские; пир у князя, унижение князя; один посол за то, что рус-

ский не низко поклонился, велит его казнить; — Мстислав убивает посла и скрывается.

4) Татарин любит Ольгу; мать не против, он обольщает ее. — Это длинная сцена. — Между тем, множество заговорщиков разговаривают о возмущении против татар; они ищут начальника; и выбор падет на Мстислава; они идут искать его.

3

5) Мстислав на кургане; три ночи он молился; проходит паломник; и узнает его. Мстислав спрашивает его о сестре; паломник говорит, что про сестру его носят дурные слухи, будто она в связи с мурзой татарским, это еще более воспаляет его. Приходят заговорщики, избирают его начальником, он клянется им. Они хотят напасть на стан татар, кои приближались опять, чтобы грабить; и надеялись, что Россия последует их примеру.

6) Мстислав возвращается домой; печален, озабочен, угрюм. Сцена, где видна его любовь к сестре; он ее спрашивает, любит ли его од-

ного; она смущается; он приготавливает ее к тому, что сам, может быть, погибнет; и спрашивает, готова ли она всё пожертвовать для отечества; потом как будто всё знал, но чтобы испытать, правда ли, вдруг говорит: «ты любишь татарина!» — она ему признается в испуге; он мрачен; но выносит этот удар: говорит ей сильно, какая она преступница, и заставляет ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласит, и тогда его убьют; это будет сигнал кровопролития; однако после этой вести, узнав позор сестры своей, Мстислав предчувствует ужасное, однако не теряет духа.

4

7) Ольга колеблется между отечеством и любовником; однако придумывает; в свидании умоляет, чтоб он не приходил сам к ней, ибо его жизнь в опасности; мурза допытывается и догадывается, что есть заговор; она бежит с мурзой, бояся братнина гнева.

8) Мстислав проходит мимо деревни; одна женщина поет, баюкая ребенка. (*Что за пыль... Злы татаровья*) — он радуется тому,

что эта песня вдохнет ребенку ненависть против татар; и что если он погибнет, то останется еще мститель за отечество; — он идет в назначенное место, где все собрались; однако он удивляется тому, что мурза не пришел.

5

9) Стан татар; сонный; стражи пьют русское вино и засыпают, разговаривая о красоте девушки, которая досталась мурзе; — приходят русские и убивают сонных; Мстислав считает удары; — он входит в палатку мурзы; и выносит оттуда деву, говоря, что как всех соглашено убить, то ее жалко; вдруг узнает, что это его сестра. Она спит и бредит; и просыпается; вскрикивает; узнает его; упадает; он думает, что она умерла; склоняется над ней; — между тем крик разбудил нескольких татар, кои еще не могут опомниться: «боже, — говорит Мстислав, — зачем одно чувство любви должно погубить мое отечество! — как я ее любил, как она прекрасна!» Выбегает мурза; он его убивает; начинается битва, русских перерезали.

10) День. Мстислав раненый под деревом;

старый воин приходит; он спрашивает, все ли убиты, и узнает, что все, что татары взяли то же утро город и разграбили; проходят несколько мужчин и женщин, которые хотят скрыться в лесах, с воем отчаяния указывая на зарево; Мстислав спрашивает, не видал ли он женщины в стане, может быть она не умерла; — тот его не понимает; — Мстислав умирает; и просит, чтоб над ним поставил крест. — И чтоб рассказал его дела какому-нибудь певцу; чтоб этой песнью возбудить жар любви к родине в душе потомков.

<18> Программа

Его история.

Его любовь к отцу.

Приезд архиерея.

Что про него сказал архиерей.

История одного монаха

Весна.

Любовь к неизвестной.

Зеркало.

Колокольчик.

Родители.

Несправедливости.

Пострижение.

Убийство: один хотел быть игуменом и для того убил другого и посадил его так, будто он сам себя убил.

Последняя любовь.

Разочарование.

Болезнь.

<19> Племя на Кавказе

Герой — пророк. —

<20>

[Монах впоследствии сидит у окна. Подходит старый нищий и девушка. Он узнает отца и сестру. Хочет броситься — но ост<анавливается> и закрывает окно в отчаяньи. Он украл денег; и на другой день ищет их, но нигде не находит; потом, не зная, что с ними делать, зовет товарища-слугу — в кабак и пропивает их; так узнали, что он украл; и он посажен в тюрьму.]

<21>

Он угрожает ей гибелью отца, и она обещается завтра прислать к нему свою рабу. Она

заражается чумой; он приходит, проводит ночь и умирает в ее объятьях в саду.

<22> Демон. Сюжет

Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. — Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; — *и проч<ее> как прежде.* — Евреи возвращаются на родину — ее могила остается на чужбине.

<23>

Я в Тифлисе у Петр. Г. — ученый татар<ин> Али и Ахмет; иду за груз<инкой> в бани; она делает знак; но мы не входим, ибо суббота. Выходя, она опять делает знак; я рисовал углем на стене для забавы татар, и делаю ей черту на спине; следую за ней; она соглашается дать только чтоб я поклялся сделать, что она велит; надо вынести труп. Я выношу и бросаю в Куру. Мне делается дурно. Меня <?> нашли и отнесли на гауптвахту, я забыл ее дом наверное. Мы решаемся отыскать; я снял с мертвого кинжал для доказательства... несем его к Геургу. Он говорит, что делал его

русскому офицеру. Мы говорим Ахмету, чтоб он узнал, кого имел этот офицер. Узнают от денщика, что этот офицер долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью; но дочь вышла замуж; а через неделю он пропал. Наконец, узнаем, за кого эта дочь вышла замуж, находим дом, но ее не видать. Ахмет бродит кругом и узнает, что муж приехал, и кто-то ему сказал, что видели, как из окошка вылез человек намедни, и что муж допрашивал и вся семья. — Раз мы идем по караван-сераю — видим: идет мужчина с женой; они остановились и посмотрели на нас. Мы прошли и видим, она показала на меня пальцем, а он кивнул головой. После ночью оба на меня напали на мосту, схватили меня и — как зовут: я сказал. Он: «я муж такой-то» и хотел меня сбросить, но я его предупредил и сбросил.

<24>

Алекс<андр>: у него любовница, которую он взял из жалости; он был знаком в Москве в одном знатном доме и любим дочерью; говорят, что у нее миллионы. Здесь его принимают худо, она ничего прежнего не хочет пом-

нить, а в высшем кругу его не принимают. Граф за ней волочится и хочет жениться. Этот граф всегда был на дороге Алекс<андра>. — Александр хочет заставить его отказаться; тот над ним смеется. Потом Александр клеветает на него ей; но графы приезжают и они над Алекс<андром> трунят.

Александр дома с любовницей, хочет денег; но у нее, кроме любви, ничего нет. Он ее не любит и ту не любит, и хочет денег. Входит ростовщик, живущий за стеной, и предлагает ему денег, а тот дает ему вексель на всё имение; ростовщик открывает, что у нее ничего нет.

Посредством денег Александр пробирается в комнату Софьи, говорит ей, что он знает, что у нее ничего нет, и что она хочет выйти за графа, ибо он богат и что если она хочет, чтоб он не отказался от нее, узнав, что у нее ничего нет, то она должна его любить. Она уже колеблется; вдруг входит горничная, говоря, что граф приехал; Александра прячут за гардину. — Граф изъясняется в любви, говорит, что ибо ему позволяют вход во всякое время, то это показывает, что родители не

прочь; она ему клянется, что любит его одного; в эту минуту Александр выходит и говорит: это правда; смущение; — сцена. — Вдруг входит отец с дядей и говорит, что его дочь обещана, что граф должен жениться, что иначе они его лишат места, убьют и проч<ее>. — Граф в отчаянии. Алекс<андра> выгоняют — но он [рад] — дочь в обмороке. Александр с ней прощается.

Александр болен; он в размолв<ке> с любовницей, рассказывает жизнь. Входит ростовщик; жалеет и говорит, что вчера вечером была свадьба графа. — Посылают за графом. — Граф приходит, подносит свечу к кровати и ужасается. Александр ему говорит, что он отомстил ему, что написал к своим приятелям всю историю; и потом говорит, что у нее ничего нет, и ставит в свидетели ростовщика. — Сам упадает без чувств. — Любовница в отчаянии прокликает графа; — Александр <кается> и говорит, что жалеет, что не имеет <...> миллиона оставить ей. — И умирает.

У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна — и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<1> 1830. Замечание

Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же — сходство меня поразило!

<2>

Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха.

<3> Записка 1830 года, 8 июля. Ночь

Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?

Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. — К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее об-

раз и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. — Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. — Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: эта была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! — И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату. — Я не хотел говорить об ней и убегал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого. — Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее существованию — это было бы мне больно!.. Бе-

локурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нет; с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы кавказские для меня священны... И так рано! в 10 лет... о эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум!.. иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью! — но чаще плакать.[4]

<4> (1830)

Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать.

<5> 1830

Я помню один сон; когда я был еще 8-ми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один раз ехал в грозу, куда-то; и помню облако, которое небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу.

Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства.

<6> 1830 (мне 15 лет)

Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий снурок; он и теперь у меня хранится.

Кто хочет узнать имя девушки, пускай спросит у двоюродной сестры моей. — Как я был глуп!..

<7> (1830)

Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать; в 15 же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве; но тогда я почти ничего не читал. — Однако же, если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слышал сказок народных; — в них, верно,

больше поэзии, чем во всей французской словесности.

<8> Мое завещание

(про дерево, где я сидел с А. С.)

Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под ним и слышал волшебное слово: «люблю», которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца: в то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре, покачало головою и шопотом молвило: «безумец, что ты делаешь?» — Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды; — но тогда же взял бумагу и сделал следующее завещание: «Похороните мои кости под этой сухою яблоней; положите камень; — и — пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!»

<9> 1830

Еще сходство в жизни моей с *лордом* Бай-

роном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет *великий человек* и будет два раза *женат*; про меня на Кавказе предсказала то же самое старуха моей Бабушке. Дай бог, чтоб и надо мной сбылось; хотя б я был так же несчастлив, как Байрон.

<10>

Я читаю Новую Элоизу. Признаюсь, я ожидал больше гения, больше познания природы, и истины. — Ума слишком много; идеалы — что в них? — они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одетые блестящими выражениями, не мешают видеть, что они всё идеалы. — Вертер лучше; там человек — более человек. У Жан-Жака, даже пороки не таковы, какие они есть. — У него герои насильно хотят уверить читателя в своем великодушии, — но красноречие удивительное. И после всего я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другого, родилась мысль написать Новую Элоизу.

<11> 2-го декабря: св. Варвары. Вечером, **возвратясь**

Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья!

Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья?

<12>

Ахвердов<а> — на Кирочной. Г<рафиня> Завадовск<ая>. Лео<нид> Голицы<н> в доме Ростовцова. Понед<ельник> Смир<нова>. Втор<ник> Ростоп<чина>. Веч<ером>: Лаваль именины.

<13>

Суб<б>оту обе<д> у Дегая.

<14>

19-го мая — буря.

<15>

Семен Осипович Жигимонд
в Костенецком пере<улке> дом Нащокина
<Кн.><?> Голи<цын><?>
Погодину; Кашинцеву

НАБРОСКИ СТИХОТВОРЕНИЙ

<1>

[Не прижимай ее к груди своей]

<2>

[Ночные песни ветра я люблю,
Они порой уводят грусть мою;]

<3>

[Я ждал тебя, жена разврата,
С боязнью глупой новичка,]

ЗАМЕТКИ НА РУКОПИСЯХ

<1> Je n'ai point fini, parce que je n'ai pas pu.[5]

<2. К поэме «Черкесы»>

В Чембар за дубом.

<3. К стих. «Посвящение. NN»>

(При случае ссоры с Сабуровым).

<4. К стих. «Пир»>

К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)

<5. К стих. «Портрет»>

(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта).

<6. К стих. «К Гению»>

(Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю).

<7. К стих. «Письмо»>

Это вздор.

<8. К стих. «Война»>

(В пансионе).

<9. К стих. «Русская мелодия»> [6]

<10. К стих. «К...», «Не привлекай меня красой»>

(А. С.) *(Хотя я тогда этого не думал).*

<11. К стих. «К N. N.»>

(К Сабуров<у> — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем не веселы. — Этот человек имеет женский характер. — Я сам не знаю, отчего так дорожил им).

<12. К стих. «Пан»>

(В Середникове).

<13. К стих. «Грузинская песня»>

(Слышано мною что-то подобное на Кавказе).

<14. К поэме «Джюлио»>

(*Великим постом и после*). Я слышал этот рассказ от одного путешественника.

<15. К стих. «К глупой красавице»>

Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю.

<16. К стих. «Оставленная пустынь»>

(В Воскресенске). (Написано на стенах жилища[7] Никона) 1830 года. (Там же в монастыре).

<17. К стих. «Ночь. III»>

(Сидя в Середникове у окна).

<18. К стих. «Гроб Оссиана»>

(Узнав от путешественника описание сей могилы).

<19. К стих. «Кладбище»>

(На кладбище написано) 1830.

<20. К стих. «Моя мольба»>

(После разговора с одно<й> известной очень мне старухо<й>, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном).

<21. К стих. «К Су<шковой>»>

(При выезде из Середникова к Miss black-eyes.[8] Шутка — преположенная от M. Kord[9])

<22. К стих. «К*»>**

(Прочитав жизнь Байрона <написанную> Муром).

<23. К стих. «Завещание»>

(Середниково: ночью: у окна).

<24. К стих. «Сижу я в комнате старинной»>

(Средниково). (В мыльне). (Ночью, когда мы ходили по па пугать).

<25. К III редакции «Демона»>

Я хотел писать эту поэму в стихах, но нет — в прозе лучше.

<26. К стих. «Желание»>

(Средниково. Вечер на бельведере). (29 июля).

<27. К стих. «Блистая пробегают облака»>

(7-го августа, В деревне на холме, у забора).

<28>

L'âme de mon âme.[10]

<29. К II редакции «Демона»>

(Писано в пансионе в начале 1830 года).

<30. К роману «Герой нашего времени»>

[Тургеневу послать.]

НАДПИСИ НА КНИГАХ

<1. На книге «Зрелище вселенная»>
Сия книга принадлежит М.
Lermantovy.

Великий Каракос
И маленький Мартирос.
Честь имею вас поздравить.
Кирик и Улита
Утюжная плита.
Марш.

Из книг Лермантова и Арсеньевой.

<2. На книге «Псалтырь»>

Сия книга принадлежит
М. Lermantoff
М. Лермантов
1824-го Года.

<3. На книге «Герой нашего времени» кн.
О. С. Одоевской>

Герой нашего времени упадает к стопам
ее прелестного сиятельства, умоляя позво-

лить ему не обедать.

<4. На книге «Стихотворения М. Лермонтова»>

Его превосходительству Петру Ивановичу Полетике.

В знак искреннего уважения
от автора.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ЛЕРМОНТОВУ

Мысли, выписки и замечания

Воображение — канва, таланты — шерсть. Иный хорошою шерстью вышивает очень дурно и некрасиво; а у другого и с дурною шерстью выходит очень хорошо: все зависит от вкуса.

Вот процесс нынешнего образа писать или кропать стихи: Поэт садится в челнок *мечтания*, плывет по озеру *воображения*, доплывает до пристани *вдохновения*, выходит на берег *очарования* и гуляет в странах *самозабвения*. Из описания такого путешествия выходит обыкновенная плаксивая Элегия; в ней поэт тужит о былом и прошлом, страшится будущего, проклиная свою судьбу и ничтожность, хвалит какую-то прежнюю удалость, ищет несуществующего, смотрит на невидимое, желает несбыточного, стонет о чем-то туманном, жалеет о горьких радостях, сетует о сладких горестях, и проч. и проч. и проч.

Женщины наполняют пустоты жизни так, как пшено промежутки в виноградном боченке: пшено ничего не стóбит, никуда не годится, а между тем необходимо, чтобы виноград не испортился.

Французы очень верно переводят наших Поэтов; жаль только, что переводы их так же схожи с подлинниками, как Африканцы с Европейцами. Некто Néguin de Guerle[11] так перевел начало пьесы Батюшкова: Тень друга.

Je hâtais ma course sur les flofs vers la brumeuse Albion, qui s'offrait de loin à mes yeux comme submergée sous un océan de brouillards. La uoix des alcyons, rassemblés autour de noire barque, nous guidait sur les ondes[12] и проч. Боже мой! можно ли исказить удачнее? Батюшков говорит, что *покидает* берега Альбиона, а у Г-на Герля он *поспешает* в Англию туманную. Откуда взялся океан туманов? Каким образом корабль Батюшкова превратился в барку у Г. Герля? Откуда взялось собрание гальцион около барки? Зачем из одной гальционы Батюшкова воображение Г-на Герля

породило их множество? У Батюшкова они *плывут за кораблем*, а у Г-на Герля гальционы *делаются путеводителями барки*; и чем же ведут барку? — *Своими голосами!* Вот пример галиматьи на ходулях! вот верный перевод! Г-н Герль похож на того живописца, которого кисть писала Фоку Сидором, а Сидора Фокою.

Человек — карета; ум — кучер; деньги и знакомства — лошади; чем более лошадей, тем скорее и быстрее карета скачет в гору.

Как прежде люди были просты: они знали только то, чему учились. Ныне ничему не учась, всё знают. (Черта характеристики XIX столетия.)

99 Moutons et un Champenois font 100 bêtes, [13] говорят добрые Французские остряки; удивительно, что у нас не заметили еще разительного сходства между некоторыми из наших критиков-самозванцев и этими пастухами-Шампенуазцами.

Стыдить лжеца, смеяться над дураком, просить займы у скупца, услаивать игрока, учить глупца Математике, спорить с женщиною — то же, что черпать решетом воду.

Иностранцы отказывают нам в нежности и чувствительности сердечной. Русский, говорят многие из них, до самой свадьбы не видит своей жены; да ему и видеть ее не нужно: дай ему кусок хлеба, чарку вина, да теплую печь: так он со всякою женою поладит. Почтеннейшие ошибаются: где более чувствительности, как не у нас? — Если вся наша стихотворная братия в день напишет 1000 стихотворений, то верно из них 800 будет элегических; где же, в каком народе более чувствительности?

Наши грамматики очень ошиблись, когда отнесли слова: доброта, нежность и снисходительность, к женскому роду; а гнев, сумасшествие и капризы — к мужескому и среднему.

Нет худа без добра; вследствие сего положения и карточная игра будет полезна? спросил я в большом обществе. — О! очень полез-

на, — отвечал Бригадир Бедняков: она многих избавляет от труда делать завещания и платить пошлины.

Le style est tout homme.[14] Загляните в Английских поэтов: вес сравнивают с деньгами и богатствами; Итальянские видят везде брильянты, изумруды; Испанские — солнце, луну и звезды; Французские — животных, голубков, бабочек; а в наших поэтах — бури, вздохи, стоны, отвлеченности в сравнениях — что заключить об этих Гераклитах?

Во всякой стране по своему изъясняются в любви. Прошлого года Парижский модник показывал свою любовь барышне, прикладывая ее руки к своему уху: объяснение довольно странное! Однако ж Парижане в этом случае не превзошли Африканцев; там изъяснение в любви еще страннее. Молодая Африканка приносит своему суженому чистой воды; если он вымоет в этой воде руки, то она с восторгом выпивает нечистую воду и это служит знаком взаимной любви. Каково бы объясняться таким же образом брюзгливым Евро-

пейским красавицам?

Дружба теперь уже не чувство, а поношенная маска, которую надевает хитрость, чтобы обмануть простоту или скрыться от пронизательности.

De mortuis non nisi bene, [15] золотое правило древних! Не оно ли причиною славы Горацийев и Квинтилианов? Жаль, весьма жаль, что у нас оно не в силе; сколько бы родилось тогда великих мужей, и лириков, и критиков; Пинд превратился бы в толкучий рынок: туда бы прошел и худенький творец Эпической поэмы и полновесный переводчик обветшалых Водевилей; сколько бы полишинелей попало в Аполлонову свиту!

Всякая из наших красавиц хочет жить по-дольше, а ни одна не желает быть старою: как согласовать сии желания? Какая была бы жестокая борьба внутреннего с наружным, если бы не было вас, блаженные румяна, и вас, чудесные фальшивые пукли!

Время подобно непостоянной и капризной любовнице: чем более за нею гоняешься, чем более стараешься ее удержать, тем скорее она покидает тебя, тем скорее изменяет.

Дурак то же, что и старая красавица: его ученость — белила, его начитанность — румяна, а умничанье — кокетство.

Опытный лоцман никогда не отправляется в путешествие когда на море буря; а искусный рифмач никогда не пустится на Пинд, когда море воображения спокойно.

Приятель мой, Француз П. П., весьма легко разрешает задачу Романтизма и Классицизма. Кто пишет без правил, и следовательно пишет чушь, тот и Романтик; кто же пишет по правилам Буало, утвержденным веками, тот всегда пишет изящно, тот и Классик. Читателей он также делил на два разряда: кто судит о творениях по собственным чувствам и по впечатлениям, получаемым при чтении, тот всегда ошибается, и следовательно Романтик; кто же судит и чувствует по непреложным за-

конам Баттё, тот никогда не заблуждается, следовательно тот Классик. Добрый П. П.! ты был знаменитый Романтик, по твоему определению.

Сколько любовь приятнее женитьбы, столько роман занимательнее истории.

Обида такая пилюля, которую не всякий с покойным лицом проглотить может; некоторые глотают, разжевав наперед; тут пилюля еще горьче.

Я где-то читал, то Барон Голбарих так определяет комедию и трагедию: цель комедии есть женитьба, а трагедии — убийство; вся интрига основана на том, будет ли свадьба и будет ли убийство? Будет свадьба, будет убийство: вот первый акт. Никто не женится, никто не умрет: вот второй. Как бы женить, как бы убить: вот что занимает всех в третьем. Неожиданный случай, останавливающий женитьбу и убийство, наполняет весь четвертый; наконец в пятом Автор женит и убивает, кого ему заблагорассудится. *Vive les théories!*

Некто очень хорошо заметил, что тот самый пустой человек, кто наполнен собою.

Есть престранные люди, которые поступают с друзьями, как с платьем: до тех пор употребляют, пока износится, а там и кинут.

Почему Французы не терпят Романтизма? — Потому что *не во время гость хуже Татарина.*

Река поворачивает в сторону, когда встречает возвышенности; так и фортуна поворачивает в сторону, когда на дороге встречает людей с благородными мыслями и возвышенными чувствами.

Прошлого года издатель Франкфуртского дамского журнала провозгласил: Il est peu d'ouvrages écrits dans la langue russe que l'on puisse comparer, sous le rapport de l'harmonie et de l'élégance, aux productions sorties de la plume féconde de Soumarocow.[17] Эх, Г-н Издатель!

видно вас не заставляли учить наизусть тирад из Сумарокова в наказание, как дельвали с нами грешными? Тогда бы иначе заговорили вы о гармонии и изяществе стихов Сумарокова!

Как бы ловко ни был сшит плащ тщеславия, он никогда не прикрывает совершенно ничтожности.

Херасков заимствовал у Вольтера, Вольтер у Virgilia, Virgiliy у Гомера; кем пользовался Гомер? — Жаль, что тогда не было книгопечатания!

Нет чудес в наше время, говорят некоторые: но они весьма ошибаются. Наша знаменитая Эльвира — чудо из чудес! она с трудом говорит по-русски, с трудом может написать записочку своему приказчику о присылке денег из деревни; но вдруг — написала *Русские стихи*. Вот чудо в Поэзии — Крючков, никогда ничего не читавший, ничему не учившийся и видевший только Памятник из Законов Правикова, поправляет расположение Юстиниа-

нова кодекса: вот другое чудо! Бралкин занимает место Вице-Губернатора — и ничего до сих пор не имеет: вот третье чудо... и сколько еще других чудес!

Женщины злы, кричит угрюмый философ; женщины несносны, ворчит легкомысленный юноша; женщины скупы, говорит молодой расточитель; женщины неверны, твердит старый муж... Только одни пылкие, еще не разочарованные любовники уверяют, что женщины сотворены для нашего утешения. Кто в заблуждении?

У всякого свой конек; иные прельщаются эполетами и золотыми висюльками; другие — плюмажем на шляпе; третьи — серебряными пуговицами на зеленом виц-мундире. Некоторые восхищаются благосклонною улыбкою барышни; иные снисходительным взором замужней: последние глупее первых.

N. N.

Примечания

Для памяти. (латинск.)

[^^^]

Сон лорда Байрона для мисс Александрины. (
Англ и Франц.)

[^^^]

3

Написать трагедию: Нерон. (*Франц.*)

[^^^]

4

Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. — Я думаю, что в такой душе много музыки. (*Примечание Лермонтова.*)

[^^^]

5

Я не окончил, потому что не мог (Франц.)

[^^^]

6

(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний).

[^^^]

было пúстыни

[^^^]

Мисс черноокая. (Англ.)

[^^^]

М<истер> Корд. (Англ.)

[^^^]

Душа моей души. (Франц.)

[^^^]

Эжен де Герль (*Франц.*)

[^^^]

Я поспешал по направлению к берегам туманного Альбиона, который представлялся издалека глазам моим, как бы залитый океанами туманов. Голоса гальцион, собравшихся около нашей барки, были нашими путеводителями по волнам. (Франц.)

[^^^]

13

99 баранов и один шампенуазец составляют
100 скотов (*Франц.*)

[^^^]

Стиль — это сам человек. (Франц.)

[^^^]

О мертвых ничего, кроме хорошего (*Латинск*
)

[^^^]

Да здравствует теория (Франц.)

[^^^]

Мало трудов, написанных на русском языке, можно было бы приравнять по изяществу и гармонии к сочинениям, вышедшим из-под пера плодовитого Сумарокова. (*Франц.*)

[^^^]